

7. Fishbane M. "Use, Authority and Interpretation of Mikra at Qumran", in M.J. Mulder, H. Sysling (eds.) Mikra: Text, Translation, Reading and Interpretation of the Hebrew Bible in Ancient Judaism and Early Christianity, pp. 339-377. Assen, Netherlands: Van Gorcum, 1990.
8. Fitzmyer J.A. "The Use of Explicit Old Testament Quotations in Qumran Literature and in the New Testament", New Testament Studies. 1961. no 7:297-333.
9. Fraade S.D., The Damascus Document. Oxford: University Press, 2022.
10. Grabbe L.L. Judaic Religion in the Second Temple Period: Belief and Practice From the Exile to Yavneh. London and New York: Routledge, 2000.
11. Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета / пер. и коммент. А.В. Вдовиченко, М.Г. и В.Е. Витковских, О.Л. Левинской, вступ. ст. Е.Д. Матусовой. М.: Греко-латинский кабинет М.Ю. Шичалина, 2000.
12. Штейнзальц А. Введение в Талмуд / Пер. с ивр. и англ. З. Мешкова. Иерусалим: Израильский институт талмудических публикаций, институт изучения иудаизма в России, 1993.

СПОСОБЫ КОНТЕКСТУАЛЬНО-СИТУАТИВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ОТРИЦАНИЯ

Ширинова Айшан Ибад гызы

*преподаватель,
Азербайджанский университет языков,
Азербайджан, г. Баку*

При изучении семантики как утверждения, так и отрицания в английском и азербайджанском языках, относящихся к разным языковым семьям, на основе материалов обоих сопоставимых языков, как отмечается в лингвистической литературе, выясняется наличие как вертикальной, так и горизонтальной структуры, а также центрально-периферийной структуры, и в ходе этого уточнения выявляются многие общие и индивидуальные особенности. Конечно, все это делается на основе фактического материала, потому что, как мы всегда отмечаем, вне контекста не может быть никакой семантики, потому что иногда может не быть никаких признаков подтверждения или отрицания, в отрицании может быть имплицитность, которую можно определить только через контекст и когницию, и мы постараемся изучить их в той степени, которая соответствует духу нашего исследования. Говоря о семантике отрицания, С. Абдуллаев пишет, что для выражения семантики отрицания задействованы все языковые уровни, собраны различные показатели, представляющие синтаксический, лексический,

лексико-синтаксический, морфологический, лексико-семантический и словообразовательный уровни [1, с. 33].

Говоря о семантике отрицания, следует подчеркнуть, что, как отмечено в лингвистической литературе, в каждом случае в пределах области отрицания также имеется смысловая цельность (по крайней мере, на минимальном уровне), а также их относительная самостоятельность с точки зрения формы и содержания, имеются в том числе определенные функционально-семантические группировки, которые, в свою очередь, находят контекстуально-ситуативные средства выражения и подразделяются на микросферы, другими словами, при подходе с разных сторон они представляют собой набор этих микросхем.

В.Н. Бондарко отметил, что в русском языкознании (и не только в русском языкознании) в традиции грамматики (А.И. Томсон, А.М. Пешковский) деление отрицательных предложений на два «общих» и «частных» зависит от того, функционирует отрицательная частица рядом с сказуемым (предикатом) или другим членом предложения (членами предложения) [2, с. 141].

С. Абдуллаев же выступает за эту цель с несколько иной позиции, подчеркивая, что в отрицании есть область предикативного отрицания и область непредикативного (фрагментарного) отрицания. Как известно из названия области предикативного отрицания, отрицанием общего характера называется тип связи, при котором значение отрицания становится доминирующим семантическим принципом во всей синтаксической строке предложения. Глобальное отрицание формально выражается в отрицании сказуемого предложения, в нейтрализации положительных предикативных «импульсов» линии связи подлежащего-сказуемого [1, с. 52].

Естественно, что в лингвистической литературе есть и другие мнения относительно этого разделения, но в языках, с которыми мы проводим сравнение, постараемся проанализировать на основе фактического материала, как проблема выражается в контекстуально-ситуативных условиях. В современном английском языке микропространство отрицания обобщающего сказуемого, как правило, можно выразить отрицательными местоимениями *no, no more, nobody, noone, nothing, neither, neither one, neither ... no*. Исходя из этого принципа, давайте проанализируем его на основе примеров из оригинальной литературы (наше предложение, с некоторым фрагментом текста): ... No! Mary Lambe was preferable, and it was just the time of year to go to Scotland. More at ease now, she packed, avoided her aunt, and took a bus to Chiswick. She was too early, and went on to key Gardens. She found no peace among its flower-beds, labelled trees and broad green spaces, and having

lunched of anchovy paste sandwiches and coffee, returned to Chicwick and rang Junes'bell [6, с. 149].

Этот фрагмент текста, состоящий из нескольких предложений, начинается со слова “No!” и ставится восклицательный знак. Хотя передаваемое подразумевает отрицание информации, категорическое отрицание предложения выражают действия, которые происходят одно за другим, как своего рода утверждение, но опять же, внутри этих действий снова отрицание “no”, опять же, там нет события и семантика отрицания потока действий находит подтверждение еще раз с функционально-ситуативной точки зрения, потому что, говоря “she found no peace”, это подтверждается тем, кто передает информацию, и в конце концов, тот, кто выполняет действие, *returned to Chicwick and rang Junes'bell* снова воплощает здесь полное отрицание.

А в азербайджанском языке микропространство этого обобщающего сказуемого составляет *heç kim, heç kəs, heç nə, heç şey, kimsə, nəşə, heç bir kəs, heç bir kimsə, heç bir şey, nə ...nə də*. «Arazı keçən kimi səni tərəkmələyə qonaq aparacağam. Özün görəcəsen ki, bizim igidlər dünyanın heç yerində yoxdur...»

«... Şah Şahpur əlli min deyibsə, əlli min də olmalıdır. Bir sözü iki olsaydı, o, *heç* şəhliq tacını başına *qoymazdı*» [4, с. 112]. Видно, что в функционально-ситуативном плане слово “*heç*”, употребляемое в азербайджанском языке, и использование сказуемого в отрицании означало конец общего поля отрицания сказуемого. «Bəy İnalın *heç* ağına gəlməzdi ki, Bəyim Çiçəyi belə tez görə bilsin. O günkü tilsimli, qanlı-qadalı ov qəziyyəindən sonra Bəyim Çiçəyin taleyi İnalı *bir* anda rahat *buraxmırdı*. O, *heç* bir günahın yiyəsi olmasa da, sonra da Rəhmanın öldürülməsində özünü səbəbkar sayırdı» [4, с. 112].

В этих предложениях, приведенных из азербайджанского языка, последний предикат находится в утверждении “*sayırdı*”, но в предыдущих не было элементов отрицания “*buraxmırdı*”, “*olmasa da*”, и если мы уберем из предложения на мгновение использованное “*heç*”, “*heç bir*”, все равно будет отрицание, но в то время не было никакой разницы в новой информации, которая должна была быть передана, подтверждение или отрицание не могло достичь получателя информации в полной мере, потому что слово “*heç*” в каждом случае не является обычным действием этих действий через познание, становится довольно легко понять непредсказуемость и то, насколько серьезно оно может повлиять на дальнейший ход событий. Как говорил О. Эсперсен, «здесь не требуется умственного напряжения как от говорящего, так и от слушающего, и это стилистически правильно» [3, с. 385].

Но в этом случае было бы уместно упомянуть и мнение В.Н. Бондаренко: В.Н. Бондаренко пишет: «Такое разделение человечества на два «общего и частного» во многих случаях не обосновано и является противоречивой идеей, согласно формальной логике, «общее отрицание» – это отрицание «внешнего», если подойти к нему с формальной логикой «Не все S сум Р» – является общим отрицанием, применимым ко всем: не ко всем предложениям его можно отнести: между общим отрицанием и дискретным (частным) отрицанием как бы существует «глубокий смысл, что в «общем» отрицании есть отрицание всего предложения (выполняет функцию на уровне предложения), выступает как компонент в структурной схеме предложения, но (частное) дискретное отрицание отрицает не глагольные члены предложения (выполняет функцию на уровне слова) и ему нет места в структурной схеме предложения, и такое отрицание носит чисто формальный характер» [2, с. 142].

Нельзя не согласиться с этими мнениями, однако при работе в контексте каждое слово, фраза имеет способность выражать определенный семантический оттенок, придя вместе с другими словами и выражениями и уникальным образом объединившись во время передачи определенной информации (неважно отрицание или подтверждение), и они понимаются и осмысливаются только в контексте и через познание. Вновь передаваемая в тексте информация в какой-то мере становится и зависимой, и связанной от предыдущей, иначе текст не формируется, коммуникация не получается. Нам также было бы уместно упомянуть один аспект: отрицание, которое фактически разделяется на эти две группы во время общения, становится тесно связанным.

“I’m sorry, Mr.Stackpole”, he said, sympathetically, after a momentary apparent reflection, but I cannot possibly help you in this matter. I’m too involved in other things myself, and I do not often indulge in stock-speculations of any kind. I have no particular malice toward any one of the gentleman you mention. I don not trouble to dislike all who dislike me. I might, of course, if I chose, take these stocks and pay them out and throw them on the market tomorrow, but I have no disire to do anything of the sort” [5, с. 443]. В этом фрагменте текста, который мы привели из оригинальной литературы, есть как модальные глаголы+not, так и вспомогательные глаголы+not, а также конструкции, выражающие отрицание типа “ have+no”, так что в контекстуально-ситуативных условиях они выражают отрицание, и только с помощью познания можно определить, какое из них является «частным», а какое – «общим» отрицанием, даже если нам кажется, что без фоновых знаний трудно определить, потому что намерение того, кто передает информацию, не зная его местоположения, не может быть определено, почему он

использовал “have not”, а не “have no” между ними, верно после “have no” следует существительное, но в заключении оно также является сказуемым. *She saw him stop, and take something out of his breakfast pocket. // “You don’t? he said “why?” // “Nothing – murmured fleur: just caprice!” // “No”, said Soames: “not caprice!” And he // Take what was in his hands across. “You’re right I don’t like him either!” // “Look!” said Fleur softly. There he goes! I hate his shoes: they don’t make any noise”* [6, с. 93]. В этом контексте контекст предикативного и непредикативного отрицания очень глубоко связан друг с другом внутренней семантикой в зависимости от ситуации, и трудно отличить одно от другого, поскольку одно вместе служит общей цели, более точной и понятной передаче новой информации передатчиком информации и охватывает микросреду отрицания в целом. «*Təkcə bəy İnal həyacanlı idi, özü bir yerdə dursa da, ürəyi qəfəsə salınmış quş kimi çırpınırdı, gözləri üztü banlı arabaya dikilmişdi: “Görəsən, Bəyim Çiçək də gəlirmi?” O, Çiçəyin yox ola biləcəyini düşünmək belə istəmirdi. Qız Bəy İnalın yolunda öz şahzadə adaxlısını öldürmüşdü. O gündən bəri İnalın çəkdiyini heç kəs çəkməmişdi. O, hələ belə dolaşmış işə düşməmişdi. Bəy İnal bu sirri atasına da açmamışdı və olsun ki, ölüncə də heç kəsə açmayacaqdı*» [4, с. 118].

В этом фрагменте текста возникла микропространство отрицания, в котором будут использоваться несколько иные контекстуально-ситуативные средства выражения. Передающий информацию для получения сообщения сначала описывает ситуацию, а затем, внимательно следя за тем, какой его поступок выражен в отрицании, используя «*düşünmək belə istəmirdi*», он хочет вспомнить, что произошло в результате старой информации, как если бы после этого события произошло окончательное отрицание (общее) “*heç kəs çəkməmişdi*”. Высказывая мысль о том, что “*belə dolaşmış işə düşməmişdi*”, слушатель полностью мобилизует читателя, чтобы тот, кто воспринимает информацию через познание, понял, что стоит за старой информацией.

Однако в следующем предложении используется другая конструкция, предлог: «*Sirri atasına da açmayacaq*», где в начале можно было бы добавить «*heç*», но это не имело бы никакого эффекта, используя предлогом «*da*» для выражения «*ölüncə heç kəsə açmayacaqdı*», с одной стороны, выражается общее отрицание, поскольку хотя и подчеркивается, что «*Çiçəyin yox ola bilməsini*», а также «*Çiçəyin Bəy İnal yolunda şahzadəni öldürməsi*», можно понять ситуацию, когда текст закрывается, и то, что волнение Инала понимается через познание.

Помимо упомянутых нами средств выражения, в английском языке есть группа префиксов, которые также выражают отрицание, и в

зависимости от контекстной ситуации они могут отрицать как существительное, так и глагол, а также прилагательное. Естественно, на наш взгляд, они не обладают способностью к полному отрицанию, хотя при работе с глаголами выражают действие. Во всех случаях для раскрытия семантики необходимо учитывать особую роль познания, помимо того, что контекст и ситуация, а также время, пространство являются важными условиями.

Список литературы:

1. Abdullayev S.Ə. Müasir alman və Azərbaycan dillərində inkarlıq kateqoriyası. Bakı: Maarif, 1998, 279 s.
2. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. Москва: Наука, 1983, 212 с.
3. Есперсен О. Философия грамматики. Москва, 1958
4. Əfqan Bəy İnal. Bakı: Yazıçı, 1989, 336 s.
5. Dreiser Th. The Titan. M., 1957, 603 p.
6. Goldsworthy. The for style Saqa to let book 3. Moscow: Progress, 1975, 255 p.